

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

О. А. Стасевская

Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого,
ул. Пушкинская 84-а, Харьков, Украина, 61024
e - mail: sanasko@ukr.net

О. В. Уманец

Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого,
ул. Пушкинская 84-а, Харьков, Украина, 61024
e-mail: oumanets5.10@ukr.net

Статья посвящена проблеме влияния исторической памяти как актуального феномена социокультурной ситуации начала XXI в. на эффективность межкультурной коммуникации, в частности в современном художественном пространстве, зависимости позитивной результативности диалога культур от современной интерпретации исторического прошлого.

Ключевые слова: история; историческая память; политизация истории; межкультурная коммуникация; диалог культур.

HISTORICAL MEMORY AS A FACTOR OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

O. A. Stasevskaya

Yaroslav Mudryi National Law University,
st. Pushkinskaya 84-a, Kharkov, Ukraine
E-mail: sanasko@ukr.net

O. V. Umanets

Yaroslav Mudryi National Law University,
st. Pushkinskaya 84-a, Kharkov, Ukraine
e-mail: oumanets5.10@ukr.net

The article is devoted to the problem of the influence of historical memory, as an actual phenomenon of the sociocultural situation at the beginning of the XXI century on the effectiveness of intercultural communication, the dependence of the positive effectiveness of the dialogue of cultures on the modern interpretation of the historical past.

Keywords: history; historical memory; politicization of history; intercultural communication; dialogue of cultures.

Феномен межкультурной коммуникации в пространстве научной рефлексии, в частности в проблемном поле социально-гуманитарных наук, предстает в «ауре» многочисленных дефиниций как сложный, комплексный процесс взаимодействия разных культур, функционирования-трансляции (передача – восприятие – передача) информации, изначально составляющей опыт одной культуры и интерпретированной в контексте иной. Как самостоятельная отрасль коммуникации, межкультурная коммуникация характеризуется тем, что в ее рамках, в частности, конструируются алгоритмы общения культур. Историко-культурная, ментальная предопределенность этих алгоритмов обуславливает направленность межкультурной коммуникации, как положительную, эвристичную для культур, так и отрицательную, содержащую в себе деструктивный потенциал относительно сущностных, аксиологических, ментальных опор культур.

Потенциально раскрывая возможности восприятия инокультурных элементов и трансляции своих ценностей в другие культуры,

межкультурная коммуникация способствует предвосхищению возможных национальных, религиозных, политических конфликтов. Ее успешность и эффективность напрямую зависит от наличия исторических представлений, знаний, социального опыта и знакомства с инокультурной системой ценностей, которые накапливаются и сохраняются в исторической памяти представителей разных культур. Межкультурная коммуникация в глобализирующемся и одновременно глокализирющемся пространстве информационного общества, проблематизирующем осмысление законов истории, не только требует умения в нем ориентироваться, но и знания прошлого и своего социума, и того, с которым происходит диалог.

Таким образом, межкультурная коммуникация может быть позиционирована как детерминант формирования «культурного пограничья» – особой сферы со-бытия атрибутивных для культур концептов – их ценностных маркеров. Степень напряженности их соотношения-«столкновения», обусловлена тем, что, составляя существенную основу национальных культур, будучи их смыслообразующими конструктами исторической памяти, данные концепты являются одновременно показателями и отграничений различных культур, и общих точек соприкосновения.

Сущностным качеством межкультурной коммуникации в контексте аксиологических поисков Человека постсовременности является не только, концептуальная «напряженность», но и ее субъектный плюрализм. Множественность векторов, форм и уровней реализации (между отдельными индивидами, социальными группами, государствами etc.), в свою очередь дает возможность констатировать и присущую межкультурной коммуникации способность вариативной репрезентации культурных концептов и универсалий, многократно интенсифицированную в контексте художественной рефлексии.

Формируя поле притяжения-отталкивания концептов культур в историко-культурном и национальном измерениях, межкультурная коммуникация в контексте тенденций глобализации и глокализации концентрированно отражает «напряженную пульсацию» аксиологических поисков личности. В условиях современной актуализации ее идентичности это находит выражение в обращенности к истории, историческим ценностям, историческим мифам, исторической памяти.

Постсовременность, особенно период геополитических трансформаций начала XXI в., в целом характеризуется повышенным и обостренным вниманием к историческому прошлому, смыслообразующему для национальных культур его переосмыслению, а также формированием устойчивых представлений народов о своей истории как основе, имеющей непосредственное отношение к современности, ее пониманию и прогнозированию будущего. «Новое» понимание, интерпретация исторического прошлого в постсовременном мире превращается в мощный фактор диалога культур, государств, народов. В то же время потребность в новой интерпретации истории обусловлена утратой исторической идентичности, которая в предыдущий период истории была глубоко встроена в историческое самосознание народов. Попытка по-новому прочесть, понять, оценить прошлое является естественным процессом и присуща каждому новому поколению в зависимости от изменяющейся историко-культурной ситуации. Проблема заключается в том, что часто подобная ре-интерпретация исторического прошлого, формирование «новой» исторической памяти являются политически мотивированными и мифологизированными явлениями.

Искусственное конструирование исторической памяти часто сопровождается нарушением принципа историзма, преследованием сиюминутных идеологических интересов правящих политических сил и направлено на формирование «выгодного» имиджа той или иной страны, государства, народа. И это, безусловно, заключает в себе деструктивный потенциал феноменологических основ исторической памяти не только как «концентрированного» духовного опыта наций, а и как позитивного, конструктивного фактора сближения культур, формирования толерантной межкультурной коммуникации.

Ревизию или переформатирование истории можно наблюдать в ряде европейских стран, которые предпринимают активные попытки поиска своей новой исторической идентичности, когда в угоду узко политическим интересам в основу исторической памяти закладываются необъективные оценки прошлого, тенденциозное трактование событий и оценок деятельности выдающихся персонажей прежних времен.

Особенно ярко исследуемая проблема проявляется в специфически динамичном развитии современного украинского общества,

для которого переосмысление истории нации сегодня не просто актуально. Часто обретая напряженный характер, оно в некоторых случаях препятствует консолидации общества. Геополитические вызовы, сжатые во времени трансформации ментальных основ, системы аксиологических ориентаций и модусов межкультурной коммуникации на всех ее уровнях, обуславливают фактическую необходимость обращения к истокам, осмысления и переосмысления прошлого с целью достижения социальной стабильности, преодоления кризиса идентичности, разорванности историко-культурной преемственности и создания приемлемой для всего общества исторической памяти.

Историческая память является социальной по своей природе и надындивидуальной по форме своего бытия. Как способ сохранения и передачи социально-значимого опыта, фиксации воспоминаний о прошлых явлениях-событиях в настоящем, она является своеобразным «маркером» идентичности для определенной группы людей. Историческая память также выступает атрибутивной характеристикой общества (социокультурного организма), обеспечивая воспроизводство условий своего собственного существования на всех этапах развития. Феноменологическая многоуровневость исторической памяти – фактор ее актуализации в контексте научной рефлексии. Это проявляется в смысловых нюансах ее дефиниций: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции; как индивидуальной памяти о прошлом; как коллективной памяти общества о прошлом; как социального «запаса» знаний; как идеологизированной истории, связанной с возникновением государства-нации; как синонима исторического сознания [1].

Многоуровневость исторической памяти как социально-детерминированного феномена, предопределяет ее функционирование на таких уровнях: базовом – сохранение смыслового ее содержания через традиции; житейном – определение идентичности; теоретическом, ценностно-рефлексивном – формирование мировоззрения. Многоуровневость исторической памяти предопределяет и многокомпонентность ее функционального круга. Его составляют такие функции, как: – информационная (аккумуляция и трансляция социально значимой информации); – идентификационная (отождествление социума или его отдельного представителя с определенным историко-культурным сообществом); – организационная (структу-

рирование социума); – мировоззренческая (теоретическое осмысление социального опыта); – ценностно-ориентирующая (выявление и трансляция ценностных смыслов, определение ценностных ориентиров) [2]. Отметим, что проблема идентичности личности, в частности в контексте определенной национальной культуры, многократно повышает значимость консолидирующей функции исторической памяти.

Важным признаком исторической памяти является коннективность. Связывая настоящее и прошлое, история становится культурно-историческим нарративом, что позволяет странам, народам, любым социальным группам познавать и осознавать себя с помощью пережитого и воспринятого опыта. Она воспроизводит преемственность и непрерывность социального бытия, несмотря на то, что в некоторые периоды «замирает», существует в латентной форме и актуализируется лишь в определенных исторических условиях.

Историческая память безусловно выступает как своеобразный эмоционально-личностный способ интерпретации прошлого, наполняя историю ценностными смыслами и ориентирами. Вместе с тем, эмоционально-чувственная личностная компонента исторической памяти, резонируя с актуальными в контексте определенной историко-культурной эпохи проблемами бытия индивида и социума, на «пиковых», исключительно напряженных этапах нациосозидания, становится импульсом к героической персонализации прошлого, его мифологизации как способа консолидации социума.

К специфическим признакам исторической памяти принадлежит избирательность – одинаковый общественный отклик обретают далеко не все исторические события, факты или личности. Общественный резонанс относительно них определяется степенью консонирования или диссонирования аксиологическим ориентациям общества на определенном этапе его бытия. Их потенциальная вариативность обуславливает и вариативность исторической памяти. Модификации как содержания, так и ракурса осмысления исторической памяти – результат не только элективного подхода к фактам и явлениям прошлого, но и различия их «звучания» и диаметрально противоположной оценки в сознании различных социальных групп. Впрочем, постоянная верификация и избирательность исторической памяти не мешает ей создавать более или менее ровный «ценностно-

окрашенный» образ прошлого, относительно которого нация конструирует свой образ в контексте межкультурной коммуникации.

Склонность исторической памяти к иррациональности принципиально отличает ее от исторической науки, которая воспроизводит картину давности по критериям истинности, на основе устоявшихся определений, рациональных доказательств, нейтральности оценок, периодизации и тому подобное. Критическая оценка со стороны науки может вызывать противоречия между профессиональными историческими исследованиями и проявлениями исторической памяти.

Таким образом, историческую память можно представить как ценностно-духовный стержень, своего рода код нации, народа, страны, сохраняющий знания и информацию об эволюции, конкретных этапах развития, условиях существования и культурном потенциале социума, которые, выдержав проверку временем, превращаются в общепризнанные ценности.

На уровне художественной рефлексии одним из репрезентантов исторической памяти – ее историко-культурной составляющей – являются так называемые «вечные сюжеты», «вечные образы». Пронизывая в синхронии и диахронии художественное сознание человечества, мифологемы Фауста, Прометея, Гамлета, Дон-Кихота etc., «сворачивают» в себе аксиологические поиски личности и социума. Перманентность и имманентность этих поисков – источник не только вневременной актуальности, многочисленности и концептуальной вариативности интерпретаций вечных образов, но и их способности «к функционированию в различных национальных и историко-культурных контекстах, акцентуации сущностных для культур проблемных «аксиологических узлов» и связи их в единую, бесконечную цепь постижения человеком смысла его жизни и осмысления идеалов, составляющих его духовное естество» [3, с. 123].

Отметим в этой связи, что такое постижение, имея безусловной основой личностное начало, в условиях глобализационных процессов неотъемлемо от идентификации личности как в глобальном пространстве культуры в ее синхронии и диахронии.

На уровне научной рефлексии это находит выражение в интенсификации исследований такой структурной составляющей исторической памяти, как глобальная память. Как феномен массового сознания, она характеризуется утверждением примата общечело-

веческих ценностей, неагрессивностью, предполагает преодоление разделения на «своих» и «чужих», что является основой современного дискурса «национальных интересов». При этом отмечается, что глобальная память не означает забвения «неудобных», противоречивых дат и фактов истории, а настроена на диалог и установление консенсуса, это память ответственности перед «своими» и «чужими», это принципиальная нацеленность на взаимопонимание и сотрудничество [4]. Ей противопоставляют национальную память – форму памяти, сохраняющей образы, символы, ценности, нарратив национальной истории, инструмент самоидентификации, самосохранения и консолидации национальной общности, формирование коллективной идентичности в процессе образования нации. Глобальный мир и глобальная культура не «отменяют» национальную память, но и, в определенной мере, активно восстанавливают этнонациональные мифы как напоминание о возможности принципиального беспамятства глобальной культуры.

Безусловно, историческая память, в которой фиксируется, осознается, оценивается и переживается прошлое, позволяет социальному субъекту идентифицировать себя и выявлять свое сущностное определение. Актуализация изучения интерпретаций прошлого той или иной социальной общности происходит в рамках влияния исторической памяти на процесс конструирования исторической идентичности, поскольку любая культура и народ могут полностью осознать свою уникальность, определить ценности и выделить специфику только в процессе межкультурной коммуникации.

На примере функционирования исторической памяти в глобализированном мире можно спроектировать потенциальные вызовы межкультурной коммуникации. Реалии эпохи глобализации, необходимость формирования новой мировой культуры, требует выработки адекватных подходов к интерпретации истории, не создающей угроз для позитивного, плодотворного диалога культур. Естественное стремление новых поколений к ревизии и ре-интерпретации исторического прошлого, формированию «своей исторической памяти» должно не препятствовать, а способствовать общению культур и народов. «Превращение» исторической памяти в конструктивный ресурс межкультурной коммуникации зависит от профессиональной научной работы историков, основанной на достоверных архивных исследованиях, от недопустимости искусственной

«подгонки» фактов под заготовленные трафареты, недопустимости фальсификации и мифологизации исторической правды, политизации восприятия прошлого. Нарушения вышеназванных принципов может препятствовать позитивному диалогу культур, приводит к их столкновению и конфронтации.

Таким образом, историческая память (в ее различных структурных составляющих) прямо и непосредственно включена в систему современной межкультурной коммуникации, выступая ее важным фактором и залогом позитивного результата. Она политически актуальна, поскольку содержит в себе своего рода систему координат в оценке настоящего и будущего. Ненаучная, политически мотивированная интерпретация исторического прошлого, зафиксированная в исторической памяти, не способствует реализации задач межкультурной коммуникации, а препятствует культурным контактам и формированию пространства современной культуры, центрированного вокруг общечеловеческих ценностей.

Библиографические ссылки

1. Киридон, А. Концепт «історична пам'ять»: варіативність дефініювання. Україна – Європа – Світ / А. Киридон // Міжнародний збірник наукових праць. Серія: історія, міжнародні відносини. – Тернопіль: Вид-во ТНПУ ім. В. Гнатюка, 2009. – Вип. 3. – С. 112–116.
2. Стасевська, О. А. Експлікація аксіологічного аспекту концепту «історична пам'ять» / О. А. Стасевська // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». – Харків: Право. – 2018. – № 1 (36). – С. 123–135.
3. Уманец, О. Ценностные ориентации и диалог культур в романе М. Зариньша «Фальшивый Фауст» / О. Уманец // International Scientific and Practical Conference «Baltic-Black Sea Region: History, Culture, Society». Volume 5: Riga, Latvia, July 4–5, 2016. Conference Proceeding. – Riga: SIA «Baltic Erlander Institute», 2016. – P. 123–128.
4. Эрлих, С. Е. Глобальная память информационного общества: этика, идентичность, нарратив / С. Е. Эрлих // Историческая экспертиза. – 2016. – № 3. – С. 11–32.